

УДК 165.1: 111.1

Б.И. Молодцов

(к. филос. наук, доцент)

Луганский государственный педагогический университет

(Луганск, Луганская Народная Республика, РФ)

E.mail – mbilg@ru

ОБ УГРОЖАЮЩЕЙ ЧЕЛОВЕКУ И ВЛЕКУЩЕЙ ЕГО К СЕБЕ СИЛЕ БЕСКОНЕЧНОСТИ

Аннотация: в статье исследуется вопрос о том, что конституирует опыт сознания на его допредметном уровне, когда сознание имеет дело не с определённым предметом, а только с обращённым к себе выражением. В итоге исследования делается вывод о том, что уже на допредметном уровне, благодаря большему удовлетворению от нахождения сходства, нежели от проведения различия, сознание оказывается расположенным воспринимать сходное как внешнее себе. Вследствие этого руководствующийся сознанием человек уже на допредметном уровне сознания оказывается расположенным к тому, чтобы в деле взаимодействия с внешним себе находить компромисс с его всеобщим, т. е. лучшим выражением.

Ключевые слова: феномен выражения, допредметный уровень сознания, миф, отношение, возвышенное.

Актуальность. Наблюдая за реалиями состояния постмодерна, поневоле задаёшься вопросом о том вменяемы ли сегодня люди, полагают ли они свои решения и деяния ответствию пред чем-либо, превышающим присущие им самим мерки? Сейчас даже сама постановка этого вопроса зачастую вызывает ироническую или горькую усмешку. И эта неприемлемость априоризма, неудивительна, ведь уже целое столетие, если не больше, в умах людей, особенно занятых духовным творчеством как профессией, растёт сознание избытка умственных форм, созданных прежней историей, все эти формы стали как бы насквозь прозрачны, машинальны, ненужны.

Правда, ещё в XX веке М. Хайдеггер обратил внимание то, что практика культивируемого тогда и ныне *деонтологизированного субъективизма* в двух его вариантах: социального революционаризма и технократической воли к полному переустройству, к «новому сотворению» Земли и всего космоса руками человека, вызывает у людей чувство страха. Причём этот страх совершенно не имеет определённости, откуда вообще ему было взяться, если у человека «всё под контролем»? И поскольку «от-чего» страха совершенно неопределенно, то всё внутримирно сущее оказывается при выявлении причины страха вообще не «релевантно». Страх, тем самым, оказывается имеющим, говоря словами Хайдеггера, экзистенциально-бытийственный смысл, – испытывая страх, в котором всё внутримировое просело до незначимости, человек осознаёт себя подлежащим действию того, что не будучи внутримировой сущностью, скрывается позади всякого «имеется» или «дано», выражая себя через отклонение и отказ запросам человека в реализации – [1]. Отсюда, из того, что человек чувствует себя расположенным в отношении с тем, что позади внутримирового сущего, у человека естественно возникает стремление учитывать действие такового в своих делах, организовать опыт своей жизнедеятельности с учётом того, что всякое выделение им из бесконечного бытия нужного себе чрева-

то отклонением и отказом, а то и возмездием человеку со стороны последнего. Да, но как может быть выстроен опыт сопряжения человеком своих запросов с тем, что позади всякого «имеется» или «дано» и которому нет никакого дела до запросов человека? Это обстоятельство сориентировало поиски измерения, полагающего сознанию человека ответственность, в эмоционально-практических расположениях человеческой ментальности, когда сознание имеет дело не с неким предметом, а обращенным к себе выражением. Как отмечает П.П. Гайденок «сознание понимает выражение, как нечто к себе относящееся, раньше, нежели схватывает предметное содержание объекта. Так, ребенок значительно раньше начинает воспринимать выражение лица (матери или других людей) и интонации голоса, приветливые, ласковые, строгие или угрожающие, чем внешние предметы, даже если это будут яркие и бросающиеся в глаза игрушки» [2, с. 367].

Постановка проблемы в общей форме. Да, но как же сознание вбирает в себя, делает своим, осваивает выражение того, что угрожает человеку, выступая из-за внутримирового сущего? Имеются ли различия в самом феномене выражения угрожающего человеку, точнее всем его начинаниям, трансцендента? И самое главное – какие перспективы относительно вменяемости сознания открывает то или иное понимание феномена выражения? Нам представляется, что ответы на эти вопросы различают две мыслительные стратегии, представленные именами К. Леви-Стросса и М. Хайдеггера – с одной стороны, и обыкновенного марксиста Мих.А. Лифшица – с другой. Выявить то, что различает эти мыслительные стратегии в понимании феномена выражения и самое главное выявить есть ли преимущество у одной из них – этим определяется задача и проблематика нашего исследования в данной статье.

Изложение основного материала исследования. Чтобы предметно исследовать вскрытую нами проблематику считаем правомерным обратиться к тексту, в котором различие в подходах и выводах уважаемых авторов являет себя наиболее рельефно. Таковое имеет место в статье Мих. А. Лифшица «Античный мир, мифология, эстетическое воспитание» [3].

Прежде всего укажем на то, что в неприятии деонтологизированного субъективизма современного человека позиции привлечших наше внимание авторов близки. Так Лифшиц с одобрением приводит выдержку из текста Леви-Стросса, пишущего о том, что в мифах примитивные племена, обладая лишь эмоционально-практическим сознанием, чувствуют роковую опасность, проистекающую из дерзости человека выделять в природе и культивировать нужное себе. Современный человек привык думать, что «ад – это другие», он с детства боится нечистоты внешнего мира. Провозглашая, напротив, что «ад – это мы сами», дикие народы дают нам урок скромности, которую, хотелось бы думать, мы еще в состоянии воспринять. Современным, культивирующим гуманизм, людям крайне необходимо осознать, что здоровый гуманизм не начинается с самого себя, но ставит мир прежде жизни, жизнь прежде человека, уважение к другим существам прежде эгоизма [3, с. 110-111]. И примитивные народы в мифах, каковые, собственно, представляют собой сознание на допредметном уровне, уровне бытия сознания, а не сознания бытия, осознают необходимость приведения к компромиссу дерзкого порыва воли человека с тем бесконечным бытием, всего лишь частью которого оказывается человек. В признании вменяемости сознания ответственности пред дисциплинарной функцией, полагаемой необходимостью такого компромисса заключается, по мысли Леви-Стросса, то, что он называет «моралью мифов».

М. Хайдеггер, на наш взгляд, также пишет о том, что единственно в дисциплинарной функции состоит опыт бытия сознания. В самом деле, ведь в его понимании выражение того, что позади всякого «имеется» или «дано», позади всякой определённости в сущем, может быть только угрожающим человеку, вскрывающим не актуализированные и зачастую нежеланные для человека потенции положенных им определений сущего. Потому необходим компромисс с сокрытым, а выстроен таковой может быть посредством набрасывания его вариантов, т. е. посредством опыта отталкивания от стены.

Лифшиц не отрицает того, на что обратили внимание Леви-Стросс и Хайдеггер, для него тоже актуальна тема опасности, заключенной в ответе автономных сил бытия на претензию человека по выделению и культивированию в бытии нужного именно ему, человеку. Однако Лифшиц обращает внимание и на то, что так называемая мораль мифов не исчерпывается поучением человеку опасаться возмездия со стороны бесконечного бытия за дерзость выделения и поставка человеком нужного себе в один ряд с тем, что объемлет всякую определённую, тем более исходящую от человека.

Если обратиться к содержанию мифов, – пишет Лифшиц, – то нетрудно заметить, что одной из самых общих черт мифологии оказывается изображение необузданной вольности богов и героев. Боги же, по мысли Шеллинга, которую Лифшиц считает интересной, «...суть органические существа высшей, абсолютной, совершенно идеалистической природы. Они действуют именно как таковые, всегда соразмерно своим собственным ограничениям и потому опять-таки абсолютно. Даже самые нравственные боги, как Фемида, нравственны не ради нравственности, но у них это также относится к ограничению. Нравственность, как болезнь и смерть, досталась на долю смертных, и в них, по отношению к действующим богам, она может обнаружить себя только как возмущение. Отсюда бунт Прометея, стоящего за права человека» [3, с. 115].

Разве не свидетельствует возмущение смертных относительно доставшейся им при размежевании с богами доли о том, что необузданная вольность богов привлекательна для человека, оказываясь составляющей феномена обращённого к человеку угрожающего выражения? Ответ «да» разумеется сам собой. И разве отсюда не следует, что необузданная вольность существенна и для человека? Отсутствие в себе существенного для себя располагает человека искать его вне себя для восполнения недостаточности своего «в себе» состояния. Эта расположенность, или настроенность, полагает сознанию определённую архитектуру, на присутствие каковой указывал ещё Эдмунд Берк, один из представителей эстетики XVIII века, специально исследовавший эмоционально-практический, допредметный уровень сознания человека на предмет его способности иметь дело с тем, что вызывает у человека страх. «Ум человека, – пишет Берк, – от природы обладает гораздо большей предрасположенностью к поискам сходства, чем к проведению различий, и получает больше удовлетворения от этого, потому что, находя сходство, мы получаем новые образы, мы соединяем, мы творим мы увеличиваем свой запас...». В подтверждение истинности своего суждения Берк указывает на то, что «самые невежественные и варварские народы, обычно восхищающиеся своими образами, сравнениями, метафорами и аллегориями, были неубедительны и робки в различении и классификации идей. Именно по причине такого рода, – продолжает Берк, – Гомер и поэты Востока, хотя они очень любили сравнения и часто придумывали поистине превосходные, тем не менее редко заботились об их точности; то есть

брали общее сходство и не обращали внимания на различие, которое можно найти в сравниваемых вещах» [4, с. 54]. Но отдаваясь запросу на восполнение своего существующего состояния необузданной вольностью, человек с горечью осознаёт, что и окружающий его мир сущего также опутан цепями необходимости, ему также недостаёт необузданной вольности, поскольку в нём царствует определённая, а всякая определённая исключает, полагает действовать так, а не иначе. И сознание в силу направленности во-вне, как и расположенности отдавать предпочтение сходству перед различием, оказывается расположенным к тому, чтобы внутримировое сущее проседало до незначимости в ожидании выражения необузданной вольности в ответ на действия человека по выделению нужного себе, чтобы ничто внутримировое не заслоняло бы собою выражение необузданной вольности в её незамутнённой конечным бесконечности.

Вот теперь стали отчётливо видны последствия того, что в понимании Леви-Стросса и Хайдеггера, человек в обращении к тому, что позади всего сущего, расположен только в ожидании подступающей к себе угрозы. Дело в том, что если человек осознаёт выражение подступающей к себе угрозы, то при этом он не может не сознавать себя как самость, ведь им осознаётся, что угроза подступает к нему. И в этом правда позиции Хайдеггера. Угроза выявляет значимость для человека его как «вот-бытия», как чего-то уникального. Да, только как же это согласуется с тем, что осознание человеком подступающей к себе угрозы, в силу неопределённости последней, приводит к тому, что всё внутримировое сущее проседало до незначимости? Получается так – поскольку угроза, ожиданием которой настроено сознание человека, совершенно неопределённая, то в её ожидании весь мир проседал до незначимости, но сие не распространяется на человека, как реалии этого мира. Широко известно, что Хайдеггер категорически выступает против понимания человека, в качестве бесконечно рефлектирующего субъекта, не имеющего в себе основы для трансценденции. «Не познающий и осознающий самого себя субъект, а неизвестное, которое само в себе себя раскрывает, – человек, раскрывающийся миру, и мир, раскрывающийся человеку, – есть исходная тема хайдеггеровской онтологии» – отмечает, в частности, такой признанный авторитет в исследовании положивших начало стратегии Хайдеггера феноменологии и экзистенциализма как В.И. Молчанов [5].

С учётом этого непоследовательность подхода, находящего человека расположенным в осознании выражения неизвестного, или, пользуясь словарём Хайдеггера, сокрытого, только в ожидании подступающей к себе угрозы, и проступает особенно рельефно. И в силу того, что в понимании человека при осознании им обращённого к себе угрожающего выражения того, что позади всякого «имеется» или «дано» (читай – бытия, как бесконечности), допускается непоследовательность следует непоследовательность и в онтологии. Если таковая полагается посредством действия механизма координации выделенного человеком в качестве нужного себе с реакцией на это выделение из бесконечности её самой, как чуждого и потому угрожающего всему конечному, всякому не-тождеству бытия, то бесконечность оказывается сплошностью, к утверждению чего, кстати, и приходит следующий в том же направлении, что и Хайдеггер, русский философ С.Л. Франк – [6, Франк. Непознаваемое]. Но тогда бесконечность оказывается способной отреагировать на полагающее не-тождество действие (действие выделения) только посредством явления бесконечной череды частных, то есть посредством выделения, а не тем,

что, будучи позади всякого «имеется» или «дано», угрожает выделению своим единством.

Последовательность в понимании бесконечности будет соблюдена в том случае, если единство не противопоставляет различию (не-тождеству), а исходит из того, что бесконечность имеет и способность к непредуказанному прошлым, одно-разовому действию. Бесконечность не имеет не-тождество рядом с собою или она не бесконечность. В самом деле, ведь продолжающаяся до бесконечности в оба конца линия (сплошность) не есть бесконечность, ибо определена, а тем самым и ограничена, своим началом. А имеющее в себе различие единство есть целое. Предполагая в себе различие, целое потому предполагает и отношение внутри себя. Если же это не учитывается, то механизм координации действий человека с ответной реакцией бесконечности на эти действия оказывается координирующим явное для человека с неявным для него же просто другим. Каково собственное, независимое от вмешательства человека отношение между одним и другим, явным и неявным, остаётся невыраженным. И если отношение человека ко внешнему себе (тем более угрожающему себе) определяется (а тем самым и ограничивается) только отношением же человека, то отношение ко внешнему оказывается отношением к собственной персоне. А ведь человек, как всякое живое, существо «питается» внешним себе, человек озабочен усвоением внешнего. Да и выражение, располагающее сознание человека в ожидании подступающей к себе угрозы, как таковое может исходить только от другого, нежели сам человек, т. е. только извне его.

Пусть так, скажут последователи линии Леви-Стросса и, в особенности, Хайдеггера – но ведь присутствие в том, что позади всякого «имеется» или «дано», отношения, вовсе не гарантирует его явление (выражение) в целом. Для этого необходимо действие некой одной для всех морфологии, полагающей модальность, долженствование, чего не может быть, если есть необузданная вольность.

Ответ, как нам представляется, даёт Лифшиц в одной из рукописей, говоря об изотропности пространства. Для справки: «изотропность» означает отсутствие определённости, независимость от неё, в то же время изотропность отлична от однородности – [Словарь]. Тем самым изотропность есть необузданная вольность единичного, потому стихия произвола, хаос, материя. Но вот что пишет Лифшиц: «Изотропность пространства = дифференциал, разница между ложными или мучительными путями и краткими, «удобными». Наличие при этом *идеала* – для каждой ситуации. Идеал – один. Пороков – много. Вопрос: откуда берется кривизна, если в природе имеется склонность к прямому пути? Строго говоря, именно в наличии этой изотропии сказывается вышеназванная склонность. Без нее не было бы и склонности» – [7, с. 209].

В самом деле, ведь стихия предполагает единичность и её необузданную вольность в отличии себя от всего другого. Тем самым, всё другое оказывается положенным единичностью же. Следовательно, для всего другого тоже характерна необузданная вольность. И единичность, и всё другое оказываются в одном и том же отрицательном отношении друг к другу. И поскольку действие этого отрицательного отношения положено сразу обоими, то оно несводимо к действию каждого и даже к сумме таковых. Так единичность и всё другое оказываются разняющимися одна с другой, но и предполагающими одна другую агентствами одного бесконечного отношения. Действие этого отношения полагает бесконечность как актуальное единство (как одно), как и полагает то, что если всякая определённость конечна, то и конечность определена степенью приближения к бесконечности. Так сти-

хия необузданной вольности единичности оказывается пронизанной отношением модальности, а потому имеет в себе и потенцию единения, что, собственно, отмечал ещё К.Маркс в своей докторской диссертации [8, с. 44-45].

Проведенное исследование позволяет сделать несколько *выводов*.

Первое. Человек, будучи живым существом, а всё живое питается внешним себе, практикой запрашивает в окружающей среде нужное себе. В силу этого активного вмешательства актуализируется и то в окружающей среде, что позади всего, что выделено человеком, позади всякого «имеется» или «дано». Тем самым, окружающая человека среда обнаруживает (выводит наружу) себя в своём бесконечном бытии.

Второе. Благодаря сознанию человек способен привести к компромиссу выделение нужного себе с ответной реакцией окружающего на это выделение. По ходу того, как окружающая его среда актуализирует себя в своей бесконечности, человек должен приобрести объективное содержание для своих запросов.

Третье. Но компромисс может быть с тем, что не только позади всякого «имеется» или «дано», но и позади всякой морфологии, и тогда это компромисс просто с бытием, с бытием в его данности, потенциально бесконечной. Либо же тот факт, что человек на допредметном уровне своего сознания получает большее удовлетворение от нахождения сходства, нежели от проведения различия, делает для человека возможным находить (сходство между самими выражениями бесконечно окружающего всякое выделение бытия. И посредством того находить компромисс с тем, что наиболее соответствует его природе, имеющей характер необузданной вольности. Такой компромисс предполагает опыт вызова на себя, но вызова наиболее всеобщей реакции на утверждение выделенного, т. е. вызова необузданной вольности в её склонности к наиболее прямому своему выражению.

И последнее. Опыт человека по вызову на себя выражения бесконечного бытия, определённый расположением сознания только в ожидании подступающей к себе угрозы, не может допустить, того, что при осознании выражения бесконечного бытия может выявиться что-то ещё помимо угрозы. Поэтому такое понимание опыта человека по вызову бытия на себя оказывается менее содержательным нежели то его понимание, в котором учитывается расположение сознания не только поджидать угрозу, но и его расположение ко влекущей к себе человека силе свободы. Действие этой сверхсилы полагает практике вызова человеком на себя действия бесконечного бытия в утверждении последним своей необузданной вольности разумный эпиморфизм, а не стихийный, подобно молоху, требующий для своего осуществления простой перебор вариантов и потому многие жертвы и лишения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хайдеггер М. Бытие и время (пер. с нем. В.В. Бибихина). – М.: Ad Marginem, – 1997. – 452с. – [электр. ресурс] // Режим доступа: http://www.heidegger.ru/heidegger_bytie_i_vremya_screen – Заголовок с экрана.
2. Гайденок П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. — М.: Республика, 1997. – 495 с.
3. Лифшиц Мих.А. Античный мир, мифология, эстетическое воспитание/ Лифшиц Мих.А. Мифология древняя и современная: Пер. с англ. – М.: Искусство, 1979. – С. 10 – 140.
4. Бёрк Эдмунд. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного. – М.: Искусство, 1979. – 237 с.

5. Молчанов В.И. Гуссерль и Хайдеггер: феномен, онтология, время / Кузьмина Т.А. Проблема сознания в современной западной философии. – М.: Наука, 1989. – С.110 – 136.
6. Франк С. Л. Непостижимое. – [электр. ресурс] // Режим доступа: https://royallib.com/read/frank_semen/nepostigimoe_ontologicheskoe_vvedenie_v_filosofiyu_religii.html#0 – Заголовок с экрана
7. Лифшиц Мих. Что такое классика. – М.: Издательство «Искусство XXI век», 2004. – 512 с.
8. Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура / Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. – М.: Госполитиздат, 1956. – С. 17 – 98.

B. I. Molodtsov

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Lugansk State Pedagogical University

(Lugansk, Lugansk People's Republic, Russian Federation)

E-mail - mbilg@ru

**ABOUT THE POWER OF INFINITY THAT THREATENS A PERSON
AND ATTRACTS HIM TO ITSELF**

***Annotation.** The article investigates the question of what constitutes the experience of consciousness at its pre-subject level, when consciousness does not deal with a definite object, but only with an expression addressed to itself. The study concludes that already at the pre-subject level, thanks to the greater satisfaction of finding similarity than of making a distinction, consciousness finds itself situated to perceive the similar as external to itself. As a consequence, the person guided by consciousness is already on the pre-subject level of consciousness in interaction with the external disposed to compromise with its universal, i.e. the best, expression.*

***Key words:** phenomenon of expression, pre-subject level of consciousness, myth, attitude, sublime.*